

Г. Я. ГАЛАГАН

«ЦАРСТВО» РАЗДОРА И СЛУГА ПАВЕЛ СМЕРДЯКОВ

В обвинительной речи прокурора (глава «Обзор исторический» двенадцатой книги «Братьев Карамазовых») читатель дважды встречается с одним и тем же выражением — «поле чисто»: «Он (Митя. — Г. Г.)... стремится на наблюдательный пост (...) и там узнает, что Смердяков в падучей, что другой слуга болен, — *поле чисто*, а „знаки“ в руках его — какой соблазн»; «и вот он в отцовском саду, — *поле чисто*, свидетелей нет, глубокая ночь, мрак и ревность (курсив мой. — Г. Г.)» (15, 134, 135).

В этом контексте понятие «поле» — лишь место удачно сложившихся для преступника обстоятельств. Оно вторгается в речь прокурора из юридического словесного арсенала: одно из значений понятия «поле» в Толковом словаре Даля — «судебный поединок и место его».¹

Но для читателя «Братьев Карамазовых» с этим понятием уже давно (с третьей книги романа — «Сладострастники») сопрягается глубочайшая духовная проблема, внутренне мотивирующая признания Мити младшему брату в трех главах «Исповедь горячего сердца...»: «...дьявол с Богом борется, а поле битвы — сердца людей»; «Из мерзостей, с поля, загаженного мухами, перейдем на мою трагедию, тоже на поле, загаженное мухами» (14, 100, 101).

Корневые истоки образных мотивов, связанных с понятием «поле», относятся ко времени самых тревожных размышлений Достоевского об утрате связующих начал внутри русского общества, к середине 1870-х годов.² Анатомия тактики, позволяющей силам разъединяющим одерживать победы, раскрывается писателем в третьей главе январского выпуска «Дневника писателя» за 1876 год (раздел «Спиритизм. Нечто о чертях. Чрезвычайная хитрость чертей, если только это черти»).

¹ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. СПб.; М., 1882. Т. 3. С. 258.

² См. об этом: Галаган Г. Я. Проблема лучших людей в наследии Достоевского (1873—1876) // Достоевский. Материалы и исследования. СПб., 1996. Т. 12. С. 99—107.

Цель совокупной устремленности этих сил определяется Достоевским так: «Идея их царства — раздор», доводящий людей «до нелепости, до затмения и извращения ума и чувств» (22, 34). Путь достижения цели тщательно продуман: раздавить человека «камями, обращенными в хлебы» (22, 35), и усмирив его — устранить возможность человеческого бунта. И далее, предостерегая читателей от последствий недооценки разрушительной энергии духа зла, Достоевский продолжает: «...пишут, что духи глупы (то есть черти, нечистая сила <...>). Так судить — чрезвычайная ошибка <...> Политики они глубокие и идут к цели самым тонким и здравым путем <...>, что, если черти, *приготовив поле* и уже достаточно насадив раздор, вдруг захотят безмерно расширить действие и перейдут уже к настоящему, к серьезному? Это народ насмешливый и неожиданный, и от них станется (курсив мой. — Г. Г.)» (22, 33, 34, 36).

Профессионально обусловленное суждение прокурора «поле чисто» (т. е. подготовлено для роковых событий) вводится в речь его Достоевским, чтобы высветить радикальное несходство между живой мятущейся душой обвиняемого и мертвой душой обвинителя, слепо идущего вслед за тем, кто подготовил поле для событий преступной ночи.

А поле это было подготовлено достаточно искусно: в саду Карамазова совершились не только страшные, но и странные события. Мотивы *двери* и *перелезания* (через какую-либо преграду) — важнейшие в ряду метафорических символов Евангелия — оказались функционально измененными (убийца входит в двери, а неповинный в крови отца перелезает через забор³). Ср. в Евангелии от Иоанна: «Я есмь дверь: кто войдет Мною, тот спасется, и войдет и выйдет, и пажить найдет» (10, 9); «Истинно, истинно говорю вам: кто не дверью входит во двор овчий, но перелезает инде, тот вор и разбойник» (10, 1); «Вор приходит только для того, чтобы украсть, убить и погубить» (10, 10).

Кто же подготовил поле для страшных и странных событий в саду Карамазова?

* * *

Слуга (а по всей вероятности, и сын Федора Павловича) Павел Смердяков страдал эпилептическим заболеванием, был нелюдим и молчалив, надменен в отношениях с окружающими и, казалось, всех презирал. В нем с детства проявилось своеволие. Ребенком он вешал кошек и тайно хоронил их «с церемонией» (14, 114), имитируя церковное прощание с усопшими. А немного позднее —

³ См. об этом подробнее: *Галаган Г. Я.* Сад Федора Павловича Карамазова // Достоевский. Материалы и исследования. СПб., 2000. Т. 15. С. 327—333. Там же см. о роли мотивов *двери* и *забора* в ходе предварительного дознания и суда.

вопросом, поставившим в тупик Григория, прекратил знакомство со Священной историей, вынес безапелляционный приговор «Вечерам на хуторе близ Диканьки» и «Всеобщей истории» Смержкова. Но одновременно, задолго до событий, побудивших рассказчика взяться за перо, еще во «время оно» (свидетельство Григория — 15, 97), Смержков обрел репутацию чрезвычайно честного человека: он нашел и вернул Карамазову три потерянные им радужные кредитки.

Мотив честности Смержкова в романе — сквозной: свидетельства Мити (14, 11), повествователя (14, 116), самого Федора Павловича (14, 122), Григория (15, 97), прокурора, назвавшего Смержкова «высокочестным от природы» (15, 137).

Функциональное значение этого мотива раскрывается из признаний Смержкова Ивану (глава «Третье, и последнее, свидание...»): «...я Федора Павловича, так как они мне единственно во всем человечестве одному доверяли, научил пакет {...} с деньгами в угол за образа перенести {...}. А здесь все теперь поверили, что будто бы под тюфяком лежали. Глупое рассуждение-с» (15, 62).

Репутация честного человека, обретенная Смержковым, явилась весомым аргументом в системе обвинений Мити, позволивших совершиться судебной ошибке (см.: 15, 137).

Помимо честности, в которую старший Карамазов уверовал раз и навсегда, он ценил в своем лакее (будучи чревоугодником) и другое качество — его необычайные кулинарные способности. Эти достоинства слуги объединяются Федором Павловичем в главе «За коньячком»: «...не украдет он, вот что {...} кулебяки славные печет» (14, 122). Заметим здесь, что обучение на повара в Москве было спровоцировано самим Смержковым, неожиданно проявившим необычайную брезгливость к еде (14, 115).

Рассказчику важно подчеркнуть и еще одну особенность Смержкова (давшую знать о себе задолго до приезда Ивана в Скотопригоньевск) — поражающую всех и объяснению не поддающуюся его сосредоточенность на чем-то никому непонятном. Поскольку суждение рассказчика об этой особенности Смержкова важно для последующего анализа, приведем его почти полностью: «...он иногда в доме же, аль хоть на дворе, или на улице, случалось, останавливался, задумывался и стоял так по десятку даже минут. Физиономист, взглядевшись в него, сказал бы, что тут ни думы, ни мысли нет, а так какое-то созерцание. У живописца Крамского есть одна замечательная картина под названием „Созерцатель“: изображен лес зимой, и в лесу, на дороге, в оборванном кафтанишке и лаптишках стоит один-одинешенек, в глубочайшем уединении забредший мужичонко, стоит и как бы задумался, но он не думает, а что-то „созерцает“ {...} а спросили бы его, о чем он это стоял и думал, то наверно бы ничего не припомнил, но зато наверно бы затаил в себе то впечатление, под которым находился во время своего созерцания. Впечатления же эти ему дороги, и он наверно

их копил, неприметно и даже не сознавая, — для чего и зачем, конечно, тоже не знает: может, вдруг, накопив впечатлений за многие годы, бросит все и уйдет в Иерусалим, скитаться и спасаться, а может, и село родное вдруг спалит, а может быть, случится и то, и другое вместе. Созерцателей в народе довольно. Вот одним из таких созерцателей был наверно и Смердяков, и наверно тоже копил впечатления свои с жадностью, почти сам еще не зная зачем» (14, 116—117).

Ко времени встречи с Иваном «впечатлений» в душе Павла Смердякова за долгие годы накопилось немало. И не ими ли объясняются прикованность его внимания к среднему из братьев Карамазовых с его идеей вседозволенности и психологический конфликт в сознании последнего при неожиданном столкновении с «необъятностью» оскорбленного самолюбия этого созерцателя и его все возраставшей «отвратительной и особой» фамильярностью (14, 243)? Расположение Ивана к слуге заменяется нараставшею ненавистью, а затем — отвращением к нему.

Характер впечатлений, копившихся Смердяковым, во многом проясняется из речи его за обедом у Федора Павловича. Внешне обращенная к Григорию (в связи с сообщением последнего о подвиге Фомы Данилова⁴), а внутренне — к Ивану, эта речь совсем не полемический экспромт. В ней — безусловное желание Смердякова заявить о себе как о личности, продуманность кошунственных мотивировок, опора на, казалось бы, очень далекую от него терминологию. Вот несколько извлечений из этой речи: «Григорий Васильевич, (...) рассудите сами, что раз я попал к мучителям рода христианского в плен и требуют они от меня имя Божие проклясть и от святого крещения своего отказаться, то я вполне уполномочен в том собственным рассудком, ибо никакого тут и греха не будет (...) Рассудите сами, Григорий Васильевич. Ибо едва только я скажу мучителям: „Нет, я не христианин (...)“ как тотчас же я самым высшим Божиим судом немедленно и специально становлюсь анафема проклят и от церкви святой отлучен (...) так даже, что в тот самый же миг-с — не то что как только произнесу, а только что помыслю произнести, так что даже самой четверти секунды тут не пройдет-с, как я отлучен (...). А коли я уж не христианин, то, значит, я и не солгал мучителям (...). Ибо я уж был самим Богом совлечен моего христианства, по причине одного лишь замысла (...) Рассудите сами, Григорий Васильевич, (...) я уповаю, что, раз усомнившись, буду прощен, когда раскаяния слезы пролью» (14, 117—120).

⁴ Фома Данилов — унтер-офицер 2-го Туркестанского батальона, взятый в плен кипчаками и погибший в Маргелане 21 ноября 1875 года. В «Дневнике писателя» за 1877 год (январский выпуск, глава первая, раздел «Фома Данилов, замученный русский герой») Достоевский писал, что пострадавший за веру и проявивший необычайную нравственную силу, Фома Данилов — «эмблема России, всей России, всей нашей народной России, подлинный образ ее» (25, 14).

Обратим внимание на реплику Федора Павловича во время речи Смердякова: «Ах ты, казуист <...> иезуит смердящий, да кто же тебя научил?» (14, 119). И здесь же отметим касающееся Ивана замечание повествователя: «Смердякова <...> он наблюдал с чрезвычайным любопытством» (там же).

Спокойствие, уверенный взгляд, фамильярная улыбка (14, 244) Смердякова, с которыми встречается Иван вскоре после этого обеда, словно подавляют волю последнего: «На скамейке у ворот сидел <...> лакей Смердяков, и Иван Федорович с первого взгляда на него понял, что и в душе его сидел лакей Смердяков и что именно этого-то человека и не может вынести его душа <...> хотел было он пройти <...> молча и не глядя на Смердякова в калитку, но Смердяков встал со скамейки, и уже по одному этому жесту Иван Федорович вмиг догадался, что тот желает иметь с ним особенный разговор. Иван Федорович поглядел на него и остановился, и то, что он так вдруг остановился и не прошел мимо, как желал того еще минуту назад, озлило его до сотрясения. С гневом и отвращением глядел он на скопческую испитую физиономию Смердякова с зачесанными гребешком височками и со взбитым маленьким хохолком. Левый чуть прищуренный глазок его мигал и усмехался, точно выговаривая: „Чего идешь, не пройдешь, видишь, что обоим нам, умным людям, переговорить есть чего“. Иван Федорович затрясся: „Прочь, негодяй, какая я тебе компания, дурак!“ — полетело было с языка его, но к величайшему его удивлению, слетело с языка совсем другое:

— Что батюшка, спит или проснулся? — тихо и смиренно проговорил он, себе самому неожиданно, и вдруг, тоже совсем неожиданно, сел на скамейку. На мгновение ему стало чуть не страшно, он вспомнил это потом. Смердяков стоял против него, закинув руки за спину, и глядел с уверенностью, почти строго» (14, 244).

Неизменны спокойствие и фамильярность Смердякова и в трех его последних свиданиях с Иваном. Свидание первое: соглашаясь поговорить с Иваном, он «снисходительно, как бы поощряя сконфузившегося посетителя» (15, 43), спрашивает его о времени приезда. «Солидно помолчал», «спокойно полюбопытствовал» (15, 44) — так подчеркивается рассказчиком полная психологическая независимость Смердякова в диалоге с собеседником. Свидание второе: Иван мгновенно замечает брошенный на него взгляд Смердякова — «решительно злобный, неприветливый и даже надменный: „чего, дескать, шляешься <...> зачем <...> опять пришел?“» (15, 50). К дерзкому взгляду Смердякова добавляется наглость его тона: «...в голосе его даже послышалось нечто твердое и настойчивое, злобное и нагло-вызывающее» (15, 51). Чуть позже этот тон называется рассказчиком «самодовольно-доктринерским» (15, 53). Свидание третье: несколько не удивившись приходу Ивана, Смердяков встретил его «длинным, молчаливым», «исступленно-нена-

вистным взглядом» (15, 58) и уставился на него не с презрением, а почти «с какою-то уже гадливостью» (15, 59).

Завершая признание в преступлении, Смердяков произносит: «Заранее всё обдуманно было» (15, 66).

* * *

На столе в комнате Смердякова (глава «Третье, и последнее, свидание...») Иван увидел толстую книгу в желтой обертке. Желая скрыть от посторонних глаз украденные деньги, Смердяков накрывает ею (пренебрегая грязным носовым платком) три пачки радужных сторублевых кредиток. От начала и до конца признаний Смердякова о подготовке и совершении преступления книга продолжает лежать на украденных деньгах. Иван машинально читает ее название «Святого отца нашего Исаака Сирина слова»⁵ (15, 61).

Читатель не может не вспомнить, что эта книга на страницах романа уже упоминалась. Говоря о преимущественном интересе Григория (после захоронения сына) к божественному, рассказчик отмечает, ссылаясь на свидетельство Марфы Игнатьевны: «...добыл откуда-то список слов и проповедей „богоносного отца нашего Исаака Сирина“, читал его упорно и многолетно» (14, 89).

Из этого свидетельства очевидно, во-первых, что книга преподобного Исаака Сирина многие годы находилась во флигеле Григория, где с момента рождения жил и Смердяков, и, во-вторых, — что Достоевскому важно было обратить внимание читателя как на поучения Исаака Сирина, озаглавленные понятием «Слово» (с последующим обозначением темы), так и на приложение к тексту поучений — «список слов», своего рода тематический указатель (большую часть проаннотированный) основных проблемно-смысловых реалий каждого из 91-го «Слова» подвижника. Это приложение сопровождает творения Исаака Сирина, изданные Оптиной пустыней в 1854 году,⁶ в расширенном составе повторяется в издании 1858 года,⁷ становясь основой для «Алфавитного указателя...» последующих изданий «Слов подвижнических» в России. Название

⁵ Книга одного из отцов церкви, христианского подвижника и писателя VII в. Исаака Сирина «Слова подвижнические» имела в библиотеке Достоевского. Л. П. Гроссманом указывается год издания имевшейся у Достоевского книги — 1858-й (*Гроссман Л. Семинарий по Достоевскому: Материалы, библиография, комментарий.* М.; Пг., 1922. С. 45).

⁶ См.: Святого отца нашего Исаака Сирина епископа бывшего ниневийского Слова духовно-подвижнические, переведенные с греческого старцем Паисием Величковским / Издание Козельской Введенской пустыни. М., 1854. (Приложение). С. 1—68. В одном из списков библиотеки Достоевского, составленном А. Г. Достоевской и хранящемся в рукописном отделе ИРЛИ, указано, что в его библиотеке имелось именно это издание.

⁷ Иже во Святых отца нашего Аввы Исаака Сириянина подвижника и отшельника, бывшего епископа Христолюбивого града Ниневии Слова подвижнические. М., 1858. С. 621—655.

приложения — «Алфавитный указатель предметов, находящихся в книге Святого Исаака Сирина».

И многолетнее нахождение «Слов подвижнических» во флигеле Григория, и то обстоятельство, что эту книгу, положенную на украденные деньги, Смердяков убирает с них, лишь заканчивая свои признания, — знаковы. И невольно побуждают задуматься о ее значении в работе Достоевского над образом Смердякова.

В приведенном выше суждении рассказчика о созерцании и созерцателях, зрительно отсылающем читателя к картине Крамского, отмечается различие между созерцанием и размышлением. О «мужичонке» в зимнем лесу с картины Крамского: «...стоит один-одинешенек (...) стоит и как бы задумался, но он не думает, а что-то „созерцает“» (14, 116). О Смердякове: «Физиономист, взглядевшись в него, сказал бы, что тут ни думы, ни мысли нет, а так какое-то созерцание» (там же).

Рассказчику важно подчеркнуть вместе с тем, что те впечатления, «под которыми (...) во время своего созерцания» (14, 117) человек находится, не исчезают бесследно. Они затаиваются в душе созерцателя и копятяся им. Порою — с жадностью, хотя и неизвестно зачем. Но характер этих впечатлений самым решительным образом влияет на возможные действия созерцателя в будущем.

Понятие *созерцание* связано с глубинным пластом духовного наследия Исаака Сирина. С издания «Слов подвижнических» в 1858 году оно включается в состав «Алфавитного указателя...».⁸ В тематической аннотации к этому понятию обозначены важнейшие аспекты многократных возвращений подвижника к толкованию состояния созерцания.

Для самого Достоевского, присутствие в указателе понятия *созерцание* ничего нового сообщить не могло. О внимании Исаака Сирина к проблеме созерцания он знал из текста поучений подвижника. И конечно же, именованием «созерцатель», полученным от рассказчика, Смердяков обязан не «Алфавитному указателю...», а проблемному пласту поучений, в котором речь идет о «созерцании призрачном» как следствии «растления» человека «бесовскими мечтаниями»,⁹ о воздействии «бесовских мечтаний» на помыслы человека (ср.: «Враг знает, что победа человека, и одоление его (...) производится помыслом его и совершается в краткое мгновение, только бы помыслу подвигнуться с места»¹⁰).

Функциональное значение «списка слов», отмеченного рассказчиком при первом упоминании «Слов подвижнических», связано с Павлом Смердяковым: этот список делал возможным объяснить, почему случайно открытая им книга (хранившаяся у Григория)

⁸ Там же. С. 650.

⁹ Там же. С. 391, 392.

¹⁰ Там же. С. 471.

могла пробудить любопытство к себе. И почему это любопытство переросло у Смердякова в целенаправленный интерес к книге.

В «Алфавитный указатель...» к «Словам подвижническим» уже с издания Оптиной пустыни в 1854 году включено понятие *молчание*.¹¹ Недоступное для понимания Смердякова по своей сути оно тем не менее может объяснить его внезапно проснувшееся любопытство к поучениям подвижника: ведь *молчаливость* была всеми признанной особенностью характера Смердякова, неразрывно связанной к тому же с копившимися им впечатлениями. А в текстах поучений он увидел очень частые обращения Исаака Сирина к духовному опыту высоко почитаемого подвижником святого апостола Павла. Вот пример такой опоры Исаака Сирина на духовный опыт предшественника: «Поелику некоторые люди, поврежденные в уме бесовским мечтанием, восхотели растлить учение блаженных апостолов, то Божественный Апостол (Павел. — Г. Г.) вынужден был в ничто обратить похвальбу еретиков, хвалившихся тенью делания являвшихся им бесов (...). Поэтому-то блаженный Павел единым словом заключил дверь пред лицом всякого созерцания, и затвор его внес внутрь молчания».¹²

Сердце Смердякова не было полем битвы дьявола с Богом. Оно было местом обитания дьявола. Впечатления, копившиеся молчаливым «созерцателем», восстают: поучения подвижника воспринимаются ими как единый личный враг. Мятежом этих впечатлений и мотивируются последствия знакомства Смердякова со «Словами подвижническими», в «Слове 14» которых мы, в частности, читаем: «Тем, которые живут в ангельском чине, т. е. имеют попечение о душе, не заповедано благоугождать Богу чем-либо житейским, т. е. заботиться о рукоделии или брать у одного и подавать другому (...). Если же кто, противуреча сему, упомянет о Божественном Павле Апостоле, что он работал собственными своими руками, и подавал милостыню, то скажем ему, что *Павел один и мог делать все; мы же не знаем, чтобы другой был Павел, подобно ему способный на все*. Ибо покажи мне другого такого Павла, и поверю тебе... (курсив мой. — Г. Г.)».¹³

Это обращение к читателю воспринимается болезненным сознанием Смердякова как вызов. Слова о дозволенности апостолу Павлу (имевшему то же имя, что и наш молчаливый «созерцатель») «делать все», механически изъятые из контекста суждения Исаака Сирина, связываются Смердяковым с собственной личностью. Так появляется *другой* Павел, но уже — в дьявольском чине, претендующий доказать свою способность на все.

Именно этим обстоятельством обусловлены и прикованность внимания Смердякова к среднему из братьев Карамазовых, и не-

¹¹ Там же. С. 640.

¹² Там же. С. 391, 392.

¹³ Там же. С. 85.

объятность его самолюбия, и «отвратительная» фамильярность в общении с Иваном.

Специфика восприятия «Слов подвижнических», обусловленная бесовскими мечтаниями, объясняет и продуманность кощунственных мотивировок Павла Смердякова в речи на обеде у Федора Павловича. Опора в этой речи на понятие *помыслы* (и производные от него), на сюжет «раскаяния со слезами» прямо отсылает нас к тексту поучений. Ср.: «...едва я скажу мучителям „нет, я не христианин“ (...) в тот самый же миг-с — не то что как только произнесу, а только что помыслю произнести, так что даже самой четверти секунды не пройдет, как я отлучен (...). А коли я уже не христианин, то, значит, и не солгал мучителям» (речь Смердякова) — «...победа человека, и одоление его (...) производится помыслом его и совершается в краткое мгновение, только бы помыслу подвигнуться с места» («Слова подвижнические»);¹⁴ «Я уповаю, что, раз усомнившись, буду прощен, когда раскаяния слезы пролью» (речь Смердякова) — «Слезы (...), — средство к получению прощения грехов...»; «Нет греха непростительного — кроме греха нераскаянного» («Слова подвижнические»);¹⁵

Отсылает нас к этой книге и само обращение Смердякова к оппоненту — «*рассудите сами*», многократно им повторенное. В «Слове 4» («О душе, о страстях и о чистоте ума, в вопросах и ответах»), останавливаясь на четырех причинах «движения помыслов» в человеке, Исаак Сирин говорит собеседнику: «...рассуди сам, возможно ли, чтобы прежде ишшествия человека из мира, и прежде смерти, пришла в бездействие которая-либо одна из сих четырех причин?».¹⁶

Важно и другое, с обращением — «*рассудите сами*» — мы дважды встречаемся в Священном Писании. И оба раза — в Первом послании к коринфянам святого апостола Павла: «Я говорю Вам как рассудительным; сами рассудите о том, что говорю» (1 Кор. 10, 5); «Рассудите сами, прилично ли жене молиться Богу с непокрытою головою?» (1 Кор. 11, 13).

Отметим, что понятия *помыслы*, *слезы*, *рассуждение*, *грех* включаются в «Алфавитный указатель...» к «Словам подвижническим» уже с издания 1854 года.¹⁷

* * *

После обеда с речью молчаливого «созерцателя» роковая ночь приближается стремительно. Зная, что расхворавшийся Григорий беспомощен помочь отцу, через день рано утром уезжает Иван,

¹⁴ Там же. С. 471.

¹⁵ Там же. С. 649. Ср. С. 288; 12.

¹⁶ Там же. С. 34.

¹⁷ См.: Святого отца нашего Исаака Сирина... С. 41, 39, 52, 48.

открывая этим отъездом (и предчувствуя это) дорогу для преступления. Спустя два часа, Смердяков воспользуется своим эпилептическим заболеванием и оставит Митю в неведении о творящемся в доме. А ночью в саду Карамазова произойдут не только страшные, но и странные события.

Вернемся к специфике восприятия поучений Исаака Сирина человеком, растленным бесовскими мечтаниями. С дьявольским желанием Смердякова показать, что он является *другим* Павлом, «способным на все», и связана странность событий роковой ночи (функциональное изменение мотивов *двери* и *перелезания* (через какую-либо преграду) — важнейших метафорических символов Евангелия).

Новозаветный мотив двери в «Словах подвижнических» — один из основных. Вот, например, извлечение из «Слова 55»: «Сердце (...) селение Божие, и заключается для него дверь благодати (...) по сказанному Им: „Аз есмь дверь жизни, и Мною человек внидет в жизнь и *нажит* обрящет” (Иоанн, 10, 9) для питания духовной своей жизни, где не препятствуют ему ни зло, ни прелесть (...). И чтобы узнать тебе истину сего, а именно, что духовная жизнь действительно есть Божественное созерцание ума, послушай великого Павла. Ибо вопиет он: не угодно мне это без любви; и если не войду в созерцание законными вратами любви, то не пожелаю оно; и если бы дано было мне по благодати, когда не приобрел я любви, то не домогаюсь сего, потому что вошел к нему не естественною дверью, которая есть любовь...».¹⁸

Возможность доказать, что он «способен на все» связывается Павлом Смердяковым с покушением на эту сердцевину посланий апостола Павла и поучений Исаака Сирина. Впечатления, многие годы копившиеся Смердяковым, уже объединившиеся и бунтующие, окончательно созревают для активного проявления.

Подготовка поля для будущих действий (пока далеко не ясно каких) начинается Смердяковым давно. Еще в то время, когда обретаются репутации абсолютно честного человека и искусного повара, позволившие Смердякову стать доверенным лицом ненавидимого им старшего Карамазова. Главная задача Смердякова на завершающей стадии «подготовки поля» состояла в том, чтобы соединить *дверь* и *забор* в сюжете предстоящего преступления.

На привычку Мити попадать в соседний сад, перелезая через забор, он обратил внимание давно. Говорит об этом его неожиданная встреча с Алешей в этом саду: «А вы как изволили на сей раз пройти, так как ворота здешние уж час как на шеколду затворены? — спросил он, пристально смотря на Алешу. — А я прошел с переулка через забор прямо в беседку. Вы, надеюсь, извините меня в этом» (14, 206). Стоявшая рядом Марья Кондратьевна, неожиданно отвечает: «Ах, можем ли мы на вас обижаться (...) так

¹⁸ См.: Иже во Святых отца нашего Аввы Исаака Сириянина... С. 384.

как и *Дмитрий Федорович* часто этим манером в беседку ходят (курсив мой. — Г. Г.), мы и не знаем, а он уж в беседке сидит» (14, 202).

Перелезание через забор, таким образом, привычный (и единственный) способ для Мити оказаться в саду, ворота которого — на замке.

Соединить понятие *забор* с понятием *дверь* в сюжете преступления Смердякову неожиданно помогает «секрет» старшего Карамазова (безоговорочно доверявшего ему) о «тайных стуках» в дверь либо в окно, должных известить о приходе Грушеньки. Как предвестие беды вторгается понятие *дверь* в сознание Мити, незамедлительно узнавшего от Смердякова о двери как об одном из слагаемых «секрета» отца: «Глубокая тоска облегла ⟨...⟩ его душу ⟨...⟩. Ему вдруг представился сад, ход за садом, у отца в доме таинственно отворяется дверь, а в дверь пробегает Грушенька» (14, 340).

Преступление в саду Карамазова состоялось. Но то, что там произошло не полностью совпало с планом, в осуществлении которого у Смердякова не было ни малейших сомнений. Он был убежден, что перелезет через забор и войдет в двери дома один и тот же человек — Митя: «...сумления для меня уже не было никакого в том, что они в эту самую ночь придут, ибо им, меня лишившись и никаких сведений не имевши, *беспременно приходилось самим в дом влезть через забор-с, как они умели-с, и что ни есть совершить... Я ждал, что они Федора Павловича убьют-с ⟨...⟩ это наверно-с. Потому я их уже так приготовил... в последние дни-с... а главное — те знаки им стали известны. При ихней мнительности и ярости, что в них за эти дни накопилась, беспременно через знаки в самый дом должны были проникнуть-с. Это беспременно. Я так их и ожидал-с* (курсив мой. — Г. Г.)» (15, 62).

Случись так (убийца и перелезает через забор, и входит в двери) — с событиями трагической ночи в саду Карамазова оказалось бы сопряженным не функциональное изменение двух основных метафорических символов Евангелия, но — *устранение* проблемно-смыслового противостояния этих функций.

Молчаливый «созерцатель», одержимый бесовскими мечтаниями, не смог предвидеть одного: Митя в двери дома не вошел (неважно даже — убить ли, избить ли отца). Главное — не вошел. Его остановила сила, одолевшая дьявольскую: «...слезы ли чьи, мать ли моя умолила Бога, дух ли светлый облобызал меня в то мгновение — не знаю, но черт был побежден. Я бросился от окна и побежал к забору» (14, 426).

Убийство Карамазова Смердяковым — это заранее не предусмотренное последним завершение событий трагической ночи. Расхождение между задуманным и случившимся Смердяковым используется: убив Карамазова, он получает возможность назвать Ивана (психологически давшего для этого все основания) — «главным убийцей», а себя — его учеником; он оставляет на полу в комнате

убитого пакет от украденных денег, подбрасывая тем самым одну из «неоспоримых» улик виновности Мити (и подсказывая прокурору на предварительном следствии причину ее неоспоримости (15, 66)), наконец, оставляет «настежь отпертою» (14, 410) дверь из дома в сад, предвзято (совсем не ожидавшееся им) ошибочное показание Григория об «отворенной двери», ставшее самой «капитальной» (15, 96) уликой в обвинении Мити.

Автором сопоставления «главный—не главный» убийца (Иван—Смердяков) Достоевский делает долго молчавшего «созерцателя»; повторившим же это сопоставление, но в уже иной смысловой параллели (Митя—Смердяков), — прокурора, отвергавшего любую возможность предположений о соучастии слуги в преступлении (15, 146). В систему аргументации прокурора вводится, таким образом, мотив, прямо связанный с осуществленным намерением Смердякова обречь Ивана на психическую гибель.

Молчаливому «созерцателю» удалось убить старшего Карамазова, украсть деньги, погубить Ивана и Митю. Но дьявольская жажда этого главного убийцы, жажда доказать, что он-то и есть *другой* Павел, способный на все, оказалась еще не до конца утоленной.

* * *

Книга поучений Исаака Сирина лежала на столе между Иваном и Смердяковым, сидевшими по разные его стороны. «Он (Иван. — Г. Г.) зашел с другого конца стола, придвинул к столу стул и сел» (15, 58). Иван еще не знает, что видит Смердякова в последний раз. А для Смердякова — самоубийство — вопрос решенный.

После признания Смердякова о непричастности Мити к убийству, признания, ошеломившего Ивана и поразившего убийцу искренностью испуга сидевшего напротив, следует такой диалог:

— Знаешь что: я боюсь, что ты сон, что ты призрак предо мной сидишь? — пролепетал он (Иван. — Г. Г.).

— Никакого тут призрака нет-с, кроме нас обоих-с, да еще некоторого третьего. Без сумления, тут он теперь, третий этот, *находится между нами двумя*.

— Кто он? Кто находится? Кто третий? <...>

— Третий этот — *Бог-с, самое это провидение-с, тут оно теперь подле нас* (курсив мой. — Г. Г.), только вы не ищите его, не найдете» (15, 60).

И вслед за этим Смердяков вытаскивает из-под чулка левой ноги украденные деньги, кладет их на стол и накрывает книгой поучений подвижника.

Почтения Исаака Сирина для возомнившего себя *другим* Павлом Смердякова олицетворяли ту главную силу, в борьбу с которой он вступил. И эта сила показала, что способность на все у *другого* Павла — не безгранична: Митя не смог стать убийцей отца; пере-

лезавший через забор и вошедший в двери дома оказались разными людьми. Слова Смердякова о присутствии в комнате Бога, провидения и связаны самым непосредственным образом с книгой «Слова подвижнические», лежавшей на столе между двумя убийцами.

Все в том же «Алфавитном указателе...» к поучениям Исаака Сирина издания 1854 года находится понятие *промысл*.¹⁹ Промысл Божий — иначе *провидение*. Аннотация к этому понятию в указателе отсылает нас к ряду поучений подвижника. В том числе к «Слову 31», в котором читаем: «Ни один раб не может сделать вреда кому-либо из подобных ему рабов, без дозволения о всех Промышляющего и всем Управляющего (...). Если и дана иным свобода, то не во всяком деле. Ибо ни демоны, ни губительные звери, ни порочные люди *не могут исполнить воли своей на вред и пагубу, если не попустит сего изволение Правящего* (курсив мой. — Г. Г.), и не даст ему места в определенной мере».²⁰

Покидающий комнату Смердякова Иван — сломленный и психически раздавленный человек. У остающегося в ней Смердякова нет никаких сомнений в полном недоверии суда к возможным признаниям Ивана («Ну и кто ж вам поверит, ну и какое у вас есть хоть одно доказательство?» — 15, 67). Как нет сомнений ни в психической гибели этого «прежнего смелого человека» (15, 68), ни в осуждении Мити.

Но чтобы показать свою абсолютную способность на все, не верящему ни в Бога, ни в промысл Божий Смердякову осталось выполнить еще одну задачу: доказать, что его воля неподвластна воле провидения, неподвластна той силе, которая остановила Митю у дверей отцовского дома. Что Смердяков и делает, кончая жизнь самоубийством. И в предсмертной записке, слог которой показался прокурору «своеобразным» (15, 141), говорит о неподвластности своей воли ничьей другой: «Истребляю себя своею волей и охотой, чтобы никого не винить» (15, 141).

Так завершилось сражение дьявола с Богом на плодородной почве раздора. Хитрость, продуманность тактики и стратегии духа зла, от недооценки возможностей которого Достоевский предостерегал читателя еще в январском выпуске «Дневника писателя» за 1876 год, обрели художественную плоть. И хотя самоубийство Смердякова — свидетельство саморазрушающего начала внутри сил разъединяющих, предостережение Достоевского никогда не перестанет быть живым.

¹⁹ См.: Святого отца нашего Исаака Сирина... С. 44—45.

²⁰ См.: Иже во Святых отца нашего Аввы Исаака Сириянина... С. 204—205.